

5. Кошелев А. И. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). М.: Правда, 1990. С. 127–147.

6. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). В 3 т. / под ред. Ф. Толля и В. Р. Зотова. Т. 3. СПб.: Издание Ф. Толля, 1864. 1171 с.

7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20. 04. 2023 г.).

8. Трошина Н. В. Самобытность России: к вопросу о содержании концепта "Самобытность" в дискурсе русского славянофильства // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 189–193.

9. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М.: Тип. П. Бахметева, 1861.

Маслова В. А.

*УО "Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова", Витебск, Беларусь
e-mail: mvavit@tut.by*

УДК 81.1

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА КАК СРЕДА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

***Аннотация.** В статье дается определение коммуникативного пространства региона, рассматривается регион как форма административно-географической и социокультурной реальности, предпринимается попытка наметить пути формирования региональной идентичности.*

***Ключевые слова:** коммуникативное пространство, регионалистика, региолект, региональная идентичность.*

Метафора "коммуникативное пространство" широко используется как термин в целом ряде гуманитарных наук – от философии, экономики и социологии до теории коммуникации и регионоведения. Коммуникативное пространство – это среда, в которой протекают социальные, культурные, духовные процессы, т.е. фактически – это форма социокультурной реальности.

По мнению Б.М. Гаспарова, коммуникативное пространство – это целостная коммуникативная среда [5, с. 97]. Схожего мнения придерживается В.В. Макаров, Г.Г. Почепцов и др. Мы разделяем точку зрения, принятую в лингвопрагматике и коммуникативной лингвистике, согласно которой коммуникативное пространство – это "речевая ситуация, включающая роли говорящего и слушающего, характеристики времени и места, правила согласования этих целей в рамках кооперативного принципа, правила передачи роли говорящего от одного коммуниканта к другому..." [4, с. 13].

Несколько слов скажем еще об одной составляющей термина "региональное коммуникативное пространство" – *регион*. На смену глобализации идет регионализация, отсюда актуальность проблемы. Регион – многозначный термин, нас интересует лишь значение "территория", но и здесь единства значений нет: это и несколько районов, и несколько областей, и несколько стран (Тихоокеанский регион). В русской культуре, в отличие от белорусской, складывается следующая картина.

Близкими по значению слову *регион* будут нейтральные – *провинция, периферия, край, территория, земля и др.*; разговорные – *глухомань, глушь, глубинка, дыра, захолустье, Кукуевск, Тьмутаракань* и др.; жаргонные единицы – *Мухосранск, Зажопинск, Пындровка* и др. Широко бытуют в лингвокультуре такие фразеологизмы: *Медвежий угол* – полное захолустье; *Куда Макар телят не гонял; За тридцать земель; К черту на рога; На край света* – очень далеко; *У черта на куличках (к чёрту на кулички)* – очень далеко, в глухом месте; *Забывший богом край* – далёкий; *И костей его седая ворона сюда не занасивала* – очень далеко (В. Даль); *Из села Помелова, из деревни Вениковой* – из захолустья (В. Даль) и др. Выявленные фразеологизмы отвечают двум основным значениям (иногда с дополнительными коннотациями) – как **удаленное от центра место** и как **захолустье**. Все они, кроме нескольких нейтральных (*Турецкая провинция Мерсин известна по всему миру, как родина качественных и вкусных фруктов*), несут негативную окраску, и только в афоризмах встречаем иную оценку: *"Провинция рождает идеи, столица их потребляет, но только в провинции можно встретить бескорыстно-пытливый ум"* (АиФ).

В белорусской лингвокультуре такого разнообразия синонимов нет, а слов с негативной коннотацией вообще не встретилось. Например, *глухомань* – в Витебском регионе – это глухой человек [7, с. 67]. Связано это с тем, что белорусы особенно трепетно относятся к "малой" родине. Региональная поэзия и на русском, и на белорусском языках пропитана любовью к родному краю. Покажем это далее на примере

рек. Как известно, для региональной языковой личности "свои" имена имеют большее значение, чем имена с национальным или даже мировым авторитетом, поэтому региональные имена сопровождается разными позитивными эмоциями. Так, река Днепр протекает по Смоленскому региону России, по Витебскому, Могилевскому, Гомельскому регионам Белоруссии и по Украине и впадает в Черное море. Более того, его притоки правый – Припять и левый – Десна – соединяют Брянский регион и Белоруссию, тем самым объединяя наши народы, живущие по его берегам. В результате когнитивной деятельности человека с рекой связывают различные смыслы – *кормилица, защитница, объединительница живущих вдоль ее берегов народов*. Эти реки были важными транспортными и торговыми путями. Реки – культурно нагруженная когнитивная структура: в художественном дискурсе река *мудра и опытна, знает ответы на многие вопросы, всегда поймет и выслушает*. Такой она предстает творчестве поэтов Витебщины: *Улетают все печали прочь, / Я тебе одной открою душу* (Юлия Сенченко).

Можно выделить и ряд культурно-значимых признаков, которые связаны со стереотипами и образами регионального языкового сознания: *река светлая, красивая, она заступница, близкая подруга и родная витеблянам, как мать* [8].

В современной регионалистике в качестве первоочередных задач нужно сделать следующее: 1) установить соотношение лингвокраеведения и диалектологии; лингвокраеведения и социолингвистики, регионалистики и лингвокультурологии др.; 2) четко дифференцировать понятия региональный язык (региолект), социолект и диалект; 3) на новом витке знаний по регионалистике возвратиться к проблемам регионального фольклора, обрядов, обычаев, этнографических реалий.

Остановимся лишь на одном из вопросов - разграничение языка и диалекта, решению которого посвящена обширная литература, и все же, по замечанию французского исследователя Э. Гийореля, "лингвисты никогда не могли разграничить язык и диалект". Анализ существующей литературы позволяет сказать, что языку присуща более высокая степень развития функциональной системы, в то время как диалект в основном функционирует в бытовой сфере. Кроме того, именно язык включает в себе самооценку народа и оценку его соседей, отображает национальное самосознание и национальный характер, фиксирует в себе элементы материальной и духовной культуры (Р. И. Аванесов, М. А. Бородина, К. Доминте).

Понимание термина "диалект" различно в разных научных школах: в американской лингвистике диалект понимают как любой территориальный вариант языка. В европейской традиции понятия диалекта дается на основании целого ряда критериев [2, с. 29–38], один из важнейших – недостаточная грамотность сельского населения, которые пользуются диалектами. Но сейчас нет полуграмотного населения, т.к. мы страны со 100% грамотным населением, а, значит, нет и диалектов, только региолекты.

В язык региона, кроме местных диалектизмов ("трасянки", "суржика"), можно отнести неологизмы XXI века (новый союз *в смысле*, со значением *то есть*), региональные названия учреждений (Витебский университет, сеть магазинов "Витебские продукты", организаций "Витебскстрой"), названия жителей региона (*витеблянин, оршанец, полочанин*), имена великих людей Витебщины (*М. Шагал, П. Машеров, Ж. Алферов*) и т.д.

Исходя из сказанного, дадим следующее определение регионального коммуникативного пространства. Это *территориально ограниченное пространство, которое характеризуется специфическими чертами социальных коммуникаций, местных реалий и знаний о них, знаний об известных личностях региона* [8, с. 67]. Коммуникативное взаимодействие жителей региона – это основа для образования коммуникативного пространства, которое формируется в языковом сознании региональной языковой личности. Важное место в коммуникативном пространстве региона занимают СМИ и региональная интернет-коммуникация.

Еще одна из задач нашего доклада – проследить формирование идентичности языковой личности в коммуникативном пространстве региона. На сегодняшний день нет единой трактовки идентичности. Но есть различные ее концепции [9]. Черты идентичности – самоотождествление, уникальность, принадлежность. Личность отождествляет себя через осознание сходства с представителями социальной, национальной, этнической, административной общности. Сама принадлежность в определенной группе наделяется ценностью и субъективной значимостью. Поэтому говорят о национальной, языковой, социальной, этнической, политической идентичности. Нас интересует региональная идентичность, ее образуют совокупность индивидуумов, которым удалось создать надындивидуальную идентичность (общность). В современных исследованиях различают *идентичность* как состояние и *идентификацию* как процесс [9].

Если формирование национальной идентичности относят ко второй половине XIX века, когда национальность утверждается как основной принцип мироустройства, то понятие региональной идентичности еще моложе, т.к. само понятие региона пришло ближе к концу XX века.

Мы существует в рамках парадигмы "человек – среда – культура". Отсюда следует, что региональная языковая личность основана на регионально маркированных знаниях, ценностях, представлениях, которые репрезентированы различными языковыми средствами. В коммуникации региональная языковая личность реализует свое коммуникативное намерение в соответствии с принятыми в данном социуме правилами и нормами общения. Но важны не только нормы, но и обычаи и культурные традиции и символы, а также сведения о реальных артефактах (замках, крепостях, храмах и др.), о природных объектах (реках, озерах, заповедниках), и знания прецедентных в регионе имен собственных – антропонимов, топонимов, гидронимов и т.д. [8].

Природа региональной идентичности двойственна: это одновременно и уникальность субъекта и его принадлежность к сообществу подобных [3], т.е. принадлежность к определенной социальной группе. Но нужно отметить еще одно важное свойство идентичности – ее субъективная разделяемость. Пример – "101 далматинец".

Таким образом, региональная идентичность – это сложившаяся сама собой, но под влиянием языковых, культурных, территориальных, этнических, религиозных, исторических и др. факторов. Это модель коллективного самосознания [6, с.182–189].

Коммуникативное пространство невозможно четко структурировать в силу его диффузности и динамичности, но его можно моделировать. И такая модель может быть представлена в виде Словаря региональной идентичности пограничья. Его важность определена социальным заказом – воспитанием патриотической личности: прежде чем стать патриотом региона, в котором живешь, нужно его хорошо знать. Поэтому предлагаем включить в Словарь топонимы, гидронимы, прецедентные имена, хрононимы (битва под Оршей), названия региональных достопримечательностей, названия изделий национальных промыслов, а также культурное пространство, которое строится в основном из феноменов фольклора (поговорки, заговоры, сказки, былички и т.д.), мифы, обряды, обычаи, ритуалы.

Выводы. Приграничные регионы уникальны и требует детального исследования. Можно говорить о нескольких аспектах изучения коммуникативного облика современного региона: 1) ценностное отношение к

миру; 2) речь конкретных групп жителей региона, в том числе городское просторечие, семейный язык, молодежный жаргон, корпоративные языки и т.д. 3) коммуникативное пространство региона, т.е. сумма ареально ограниченных социальных коммуникаций; 4) проблемы региональной идентичности, которая рассматривается как психологический процесс отождествления себя (другого) с региональной общностью. Язык занимает "срединное" положение между сознанием и действительностью, соответственно, с помощью языковых единиц проявляется результат психологического процесса отождествления.

Почему так важна регионалистика? Уже доказано, что одни и те же явления окружающего мира по-своему представлены на различных территориях, в разных регионах. Существует мнение, что национальная (а, возможно, и региональная) культура важнее общечеловеческой: "Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в каком-то своем качестве восходящая до общечеловечности" [1, с.138]. Но национальная культура также неоднородна: в каждом пограничном регионе свой фольклор, свои обряды и обычаи. Даже праздники, идущие еще от язычества, празднуются в разных регионах по-разному. Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Список использованной литературы

1. Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Судьба России. Кризис искусства. М., 2004. С. 101–109.
2. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 29–38.
3. Вердери К. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
4. Воронцова Т. А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2009. Вып. 1. С. 11–17.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
6. Головнева Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона // *Tempus et Memoria*. 2017. Т. 12. № 3/167. С.182–189.
7. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л. І. Злобін (рэд.) [і інш.]. Віцебск: УА "ВДУ імя П.М. Машэрава", 2012. Ч. 1. 304 с.

8. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов: Коллективная монография / Под ред. В. А. Масловой, М. В. Пименовой. Минск: УП "Энциклопедикс", 2017. 276 с.

9. Теркулов В. И., Тамерьян Т. Ю. Языковая идентификация и идентичность // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 27-34.

Стародубец С. Н.¹, Белугина О. В.²

*Филиал ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского" в г. Новозыбкове, Россия
e-mail: ¹starodubets.madam@yandex.ru, ²OBelugina@mail.ru*

УДК 811.161.1'28

СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕДСВАДЕБНЫМИ ОБРЯДАМИ, БЫТУЮЩИМИ НА ПРИГРАНИЧНОЙ С БЕЛАРУСЬЮ ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

***Аннотация.** В статье описывается предсвадебный период свадебного обряда на территории юго-западных районов Брянской области РФ, граничащих с Беларусью. В Новозыбковском, Гордеевском, Климовском, Красногорском и Злынковском районах Брянской области анализ предсвадебного периода позволил зафиксировать ряд специфических особенностей: повсеместно – "свѣтанье", "сватовствѣ" (= "свѣты"); "смотрѣны"; "сѣбор", "рукобѣтье", "заручины", "магарыч" (= "свѣты") как синонимическая парадигма; "дѣвичник" (= "вечѣрка", "вечеринка", "венѣк"); на территории отдельных районов – "пропѣтье" (Красногорский район), "запѣины" (Гордеевский район), "местоглядие" (Красногорский и Гордеевский районы).*

***Ключевые слова:** Российско-Белорусское пограничье, юго-западные районы Брянской области, номинации предсвадебной обрядности, восточнославянская духовная культура, свадебный ритуал.*

В общероссийской традиции свадьба должна была состоять из ряда эпизодов, в каждом из которых были свои участники, выполнявшие строго определенные роли. Каждое действие или событие свадебного ритуала имело строго определенный смысл и повторялось из поколения в поколение.